

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
РАССТОЯНИЕ

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ БЛЕЙЗА АДЕНОНА: ПИСЬМО ПЕРВОЕ

К Эссо

Когда-то давным-давно в одной пещере жили узники.

Всю свою жизнь они стояли на коленях в холодной грязи, а перед глазами у них был только камень. Цепи обвивали им шею так туго, что они даже головы повернуть не могли — посмотреть, откуда идет свет... теплый, янтарный.

Каждый божий день они смотрели, как тени трепещут и пляшут на каменной стене, озаренной тем тайным светом из-за спины. Они рассматривали тени, давали им имена, молились им.

И вот как-то утром один из арестантов вдруг вырвался на свободу. Он обернулся к свету, ярко сиявшему в дальнем конце пещеры, и изумленно вперил в него взор, охваченный жадной — жадной понять, откуда свет исходит и куда ведет.

Друзья — те, что в оковах, — зывали к нему:

— Стой, дурень! Ты не знаешь, что делаешь! Если уйдешь слишком далеко, тебя ждет гибель!

Но он их не слушал.

Когда бывший узник выбрался из пещеры, он не узнал ничего — ни деревьев, ни озер, ни зверей, ни даже солнца. Там,

снаружи, оказалось столько силы, что это было даже как-то неправильно. Но время шло, и он привык к своему новому миру и осознал наконец, что вся его прошлая жизнь, все, что он знал в пещере, было просто тенью — тенью этого нового большого места.

И он дал этому месту имя.

Он назвал его Верхним миром.

Человек бегом кинулся обратно, в пещеру, желая как можно скорей поделиться с остальными такой изумительной новостью. Но когда он рассказал им, что видел в Верхнем мире, его подняли на смех и обозвали безумцем. А когда предложил разбить их цепи и выпустить на свободу — его пригрозили убить.

Реальный человек по имени Сократ поведал эту историю 2300 лет тому назад в Афинах. Большинство слушателей решили, что это просто сказка, искусная метафора — и она о том, каким одиноким себя чувствуешь, пускаясь на поиски неведомого. Никому сейчас невдомек, дитя мое, что Сократ действительно верил в Верхний мир. А еще — что, когда он рассказал людям об увиденном там, его убили.



ГЛАВА 1

ЗССО. СЕЙЧАС

Чтобы не принадлежать ни к одной банде и при этом влипнуть прямо посередине разборок между ними, нужно реально крутое сочетание идиотизма и невезучести. У меня на это ушло меньше недели — вот так-то! И случилось это еще до путешествия во времени.

Я встал на колени и пристроил локти на угол матраса, там, где простыня не задралась. Я устал, я один у себя в комнате, и мне позарез нужна поддержка оттуда — типа как свыше. Но вот досада: я никак не мог выбрать между Иисусом, его мамой, Тором, пророком Мухаммедом (и тем большим дядькой, на которого он работает), лысым азиатским чуваком в оранжевой хламиде... ах да, еще Иисусовым папой, императором Хайле Селассие, дедушкиной статуэткой вуду, Морганом Фрименом и той металлической чушкой на Луне из старого-престарого фильма «2001». Короче, чтобы подстраховаться, я решил молиться всей честной компании сразу.

— Дорогие святые Мстители, — забурчал я в переплетенные пальцы, — первым делом простите, что я был говнюком в понедельник. И что наврал маме про случившееся.

ПОНЕДЕЛЬНИК (ЧЕТЫРЕ ДНЯ НАЗАД)

Пока понедельник еще не слетел с катушек, я даже что-то там такое успел выучить в классе. (Ведь так, по идее, и должна работать школа *все время*?)

Средняя школа Пенни-Хилл торчит ровно на границе между Пекхэмом и Брикстоном. В сороковые, когда ее строили, это не составляло проблемы — зато еще как составило сейчас, когда на сцене появилась братва. Нынче ребята из двух соперничающих группировок толкутся по семь часов в день в компании друг друга, а остальным, кто к их теркам отношения не имеет, приходится на этом фоне еще чему-то учиться.

В классе у нас стоит четыре ряда по восемь парт. Потолок нависает на фут ниже, чем надо, так что, сидя в середине, как я, чувствуешь себя куренком в клеточной батарее. Мисс Пёрди вела у нас физкультуру и по совместительству математику. Вообще-то учить она умела — в том смысле, что реально знала, о чем толкует, и предмет свой любила. Потому в ее классе и было меньше всего драк и самые высокие оценки. Даже мои контрольные работы, бывало, возвращались с «четверками». Математика мне всегда нравилась — ну, до некоторой степени. Самая наивная часть меня как-то забрала себе в голову, что в один прекрасный день у меня непременно будет вагон денег — и математика поможет мне его заполучить.

На самом деле я просто всегда уважал тот факт, что дважды два — четыре, и неипёт. День-деньской мне приходилось скакать туда-сюда между голосом африканским, домашним, голосом типа «полугопник», голосом «читаем вслух на английской литературе» и еще специальным телефонным голосом, необходимым в тех случаях, когда надо прислать кого-нибудь починить роутер. И я ужасно пёрся с того, что на математике всего этого не нужно. Училка могла сколько угод-

но думать, что я бестолочь, но на дважды два это все равно никак не влияло — как ни крути, а выходило четыре.

А вот чего я никак не мог знать заранее, торча в классе тем понедельничным утром, так это что треугольники, которые мисс Пёрди чертила на доске, в конечном счете открывают мне глаза на целых четыре измерения. Да что там — если бы меня кто попробовал предупредить, что к концу недели я буду шнырять по ним туда-сюда, как какой-нибудь супергерой-телепат, я бы сказал ему, мол, ты, чувак, явно на крэке... ну и показал бы потом одну заброшку — квартиру в Льюишеме, где можно встретить единомышленников.

— Сегодня будем проходить теорему Пифагора, — сообщила Пёрди и обвела уравнение, которое только что написала. — А понадобится она нам, чтобы вычислить самую длинную сторону треугольника.

$$a^2 + b^2 = c^2$$

Тут она скрестила руки на груди и с внушительным видом стала ждать, пока класс заткнется.

— Ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш! — зашипела Надья, выворачивая шею и зыряя на двух девчонок, которые без умолку трещали у нее за спиной.

Надья в учительских любимчиках не ходила и вообще далеко не всегда так радела за занятия, но над нами уже висели пробные выпускные, и она совершенно не собиралась давать вот таким вот, кому на все наплевать, тащить класс назад.

Я тем временем сидел и таращился куда-то вдаль — и не просто так, а надувши губы и специальным таким серьезным взглядом, который целое утро тренировал перед зеркалом.

Надьины глаза по пути обратно к доске неизбежно должны были скользнуть и по мне — я намеревался произвести самое выгодное впечатление. Нет, честно — это ж с ума сойти, как часто я на самом деле откалывал подобные штуки ради нее! Да я от шестидесяти до семидесяти процентов каждого урока тратил на то, что а) со зловещим видом буравил ей взглядом затылок; б) посматривал искоса и многозначительно, боковым зрением; в) мрачно дулся, надеясь, что она сама обратит на меня внимание... — чего все равно засечь никогда не удавалось, поскольку я, как и было сказано, все время тарачился вдаль, как заправская модель на рекламе лосьона после бритья.

Пёрди тем временем вооружилась двумя разноцветными маркерами и снова повернулась к доске.

— Чтобы было понятнее, возьмем практический пример. Вот идете вы, скажем, через Берджесс-парк. Вошли вот тут, внизу, через южные ворота, а надо вам вот сюда, на самый верх, к Олд-Кент-роуд. Есть два варианта маршрута: первый — сначала вдоль боковой стороны, потом вдоль верхней. Это, как сказали бы вы, крутые парни, «длинный прошвыр».

Она честно подождала, пока кто-нибудь засмеется. Ну, хоть кто-нибудь... После долгого холодного душа из тишины она таки решила продолжить.

— Ну что ж, понедельник — день тяжелый. Ладно. Короче, длинный маршрут — это все время идти по дорожке, сначала вдоль бока, потом вдоль верха. Но есть и другой вариант — короткий путь, вот так, наискосок, прямо по газону.

Когда она соизволила отойти от доски, на коротких сторонах треугольника обнаружились цифры, а на длинной — знак вопроса. Поняв, что сейчас из класса будет выхвачена жертва для полного досмотра с раздеванием, мы испустили хоровой вздох.

— Начнем с самой короткой стороны треугольника. Кто мне скажет, что получится, если я возьму число три и возведу во вторую степень?

Надьина рука стрельнула вверх — единственная иголка в этом стоге сена. Пёрди ее проигнорировала — надо же и остальным иногда шанс давать, в конце-то концов! — и обратилась к тому, кто уделял происходящему куда меньше внимания.

— Роб, сколько будет три в квадрате?

Судя по взгляду Роба, устремленному прямо сквозь нее, мисс Пёрди была сделана из стекла.

«Пожалуйста, пусть он сообразит, что три на три будет девять!» — сказал я себе. Роб и Като были мои лучшие друзья. Да, я знал, что в математике он в целом не сечет. Если честно, он и в школе вообще не очень сёк. Зато спроси его, в чем разница между английским дриллом, нью-йоркским и чикагским, и он тебе мигом превратится в Эйнштейна. Или перекажи любой сюжет из вечерних новостей и — гляди-ка! — он уже на раз-два связал его с иллюминатами и их зловещим заговором извести всех черных, коричневых и восточноевропейцев одним махом. Он, кстати, сам был поляк. Но это еще ничего о нем не говорило.

Като, сидя сбоку от Роба, зашептал ему:

— Афганистан! Ответ — Афганистан, зуб даю!

— Афганистан, — повторил Роб, обратив к Пёрди самый свой горделивый лик.

Она моргнула, потом еще раза два или три. «Афганистан» напрочь отшиб у нее дар речи, но в конце концов закрыла рот и отвернулась — а что еще тут сделаешь?

Като, совершенно в кусках, рукавом вытирал слезы восторга — все в жизни вызывало у этого парня гомерическое веселье. Возможно, потому, что все в жизни давалось ему с исключительной легкостью. Роб прожигал его взглядом

и цыкал зубом, пока слюни не потекли. Я частенько думал, что доведись мне, не дай бог, пропустить где-то с неделю уроков, и от нашей хрупкой дружбы камня на камне не останется, но спроси хоть кого в Пенни-Хилл, и тебе скажут, что это счастливое трио, Като, Эссо и Роб, — ну просто не разлей вода. Даже когда хулиганил кто-то один, забирали все равно всех троих. Словно у меня в паспорте были отпечатаны все три имени.

— Эссо? — Пёрди обратила на меня лишенный всякой надежды взор.

— Ну, просто берем число и умножаем на него же, так?

Я в общем-то не хотел, чтобы из ответа вышел вопрос, но в конце фразы как-то сам собой дал петуха. Она наклонила голову — ну, а дальше?

— Ну, и трижды три получается девять.

Но нет, она все же заставила меня пройти последовательно все этапы и отпустила, только когда чертовое уравнение получило всю заботу и ласку, каких заслуживало.

— Ну и, значит, c , которое длинная сторона, равно пяти, — наконец заключил я.

Окончательный ответ я вычислил в уме за несколько секунд до того, и пока она записывала всю последовательность на доске, я прикидывал, стоит ли задавать естественно вытекавший отсюда вопрос. Мисс Пёрди сама сказала еще в начале урока, что Пифагор изобрел эту свою знаменитую теорему две с половиной тысячи лет назад. Две с половиной тысячи! Это ж еще до того, как бумагу придумали! Но как?

Проблема в том, что, как бы там взрослые ни говорили, идиотские вопросы существуют. Вообще-то большинство вопросов, которые я задавал, именно такой взгляд в ответ и получали — что, мол, за идиотский вопрос! То в школе тебя учитель осадит за то, что поднял тему, которой нет

в учебном плане... То дома — мама, если вякнуть что-нибудь про отца. Стоит только начать предложение с «почему» или «как», и на тебе! — обязательно кто-нибудь испугался или рассердился.

Но стоило только вопросу как-то оформиться у меня в голове, и свято место уже никак не желало оставаться пустым. Хорошо еще мисс Пёрди продолжала мне улыбаться, да и вообще была рада, когда руку тянул кто-то не с первой парты. Да в жопу, подумал я и даже кашлянул, готовясь в бой. Что худшего может со мной случиться?

— А откуда вообще Пифагор взял это свое уравнение? — постарался спросить я как можно небрежнее, хотя на месте отсутствующего пока ответа уже разверзся кратер, увеличивавшийся в размерах буквально с каждой секундой.

Тут по моему уху что-то чиркнуло. Быстро, хрустко, но легонько. Это что... бумажка?

— Ботааааан! — провыл Като, пальцами изображая круги вокруг глаз на манер очков.

Роб тоже покатился со смеху, а с ним и вся задняя половина класса. Все, пора заводить новых друзей, решил для себя я. Но тут ко мне повернулась Надья, и на физиономии у нее мешались в равной мере удивление и «ну, ты меня впечатлил». Этого оказалось достаточно, чтобы всякая неловкость исчезла без следа. Я едва успел надеть обратно мою фирменную ар-н-би рожу.

Следующие пять минут мисс Пёрди объясняла нам, как Пифагору удалось превратить свой задвиг на треугольниках в математический закон, которому вся вселенная теперь будет повиноваться до скончания своих дней.

В тот миг, когда она кончила свои разглагольствования, у меня в голове словно ржавый замок отомкнулся¹. И — все-

¹ Больше информации об этом — на с. 339